

Общая культурно-цивилизационная основа – фактор реинтеграции постсоветского сообщества

Владимир Егоров
Ольга Савина

Экономические, политические, военные катаклизмы, переживаемые человечеством с учащающейся периодичностью, свидетельствуют о том, что мир стоит накануне системных трансформаций. Нет оснований для уверенности в безболезненном протекании грядущей метаморфозы¹, по крайней мере ни у кого не вызывает сомнений, что мировое сообщество будет вынуждено пересмотреть многие, казалось бы незыблемые, установки и ценности.

В этих условиях для России, потерявшей в последние два десятилетия ориентиры социальной перспективы, было бы наименее продуктивным стремиться воспроизвести на национальной почве привлеченный из вне проект общественного

развития. Тем более бесперспективно обращение нашей страны в ряды трансляторов «прогрессивных» ценностей в сообщество постсоветских стран, культурно-исторически связанных с Россией, претендующей на роль нового интеграционного цент-

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета (МГОУ), первый заместитель директора Института стран СНГ. *E-mail: korrka@mail.ru*

САВИНА Ольга Вячеславовна – научный сотрудник отдела диаспоры и миграции Института стран СНГ. *E-mail: olga_polnikova@mail.ru*

Ключевые слова: культурная идентичность, мультикультурализм, реинтеграция, западная система ценностей, постсоветское пространство.

ра. Хотя именно такая роль России наиболее приемлема для Запада, переживающему не лучшие времена.

Кризис либеральной демократии, обусловленный сигнатурой осязаемых границ эффективности капитализма абберацией буржуазной инициативы в финансовую сферу, где деньги, минуя общественное производство, порождают себе подобные вымыванием ее социальной основы «среднего класса»², инициирует попытку обрести импульс жизненного потенциала за счет культурно-политической и экономической экспансии в пространства ранее «неосвоенных» территорий.

Так было не раз в истории, когда стагнирующая система, стремясь к регенерации, прибегала к факторам экстенсивного роста. Россиянам, как никому другому, известно влияние расширяющегося пространства («деспотии пространства») на устойчивость политического режима.

Необходимость продвижения идей «Большого Запада» с целью роста «привлекательности главных ценностей» «для других культур» и постепенного возникновения «всеобщей демократической культуры» очевидна не только с точки зрения геополитической, но и в связи с поиском механизмов обретения внутренней устойчивости странами «золотого миллиарда»³. В предложенном проекте «Большого Запада» «вовлеченная демократизирующаяся Россия» должна занять место периферии западного сообщества. При этом Евразийский союз, в оценке авторов перспективы «всеобщей культуры», «является новой эксцентричной идеей премьер-министра Владимира Путина»³.

«Будущее истории, по мнению западных аналитиков, безальтернативно связано с либерально-демократическими ценностями (кстати заметить, понимаемыми однобоко, «по-вашингтонски», так же, как в свое время социализм в иной, не большевистской, интерпретации был неприемлем для советской партаменклатуры⁴). Китайская или индийская системы культурных ценностей в качестве, по крайней мере, равноправных парадигм культурно-цивилизационного развития не рассматриваются. В лучшем случае им отводится место сегментарного «очага» культуры, представляющей интерес для узких территориальных или национальных локализаций. Такая позиция далеко не беспорна⁵.

Главное, что следует отметить, какой бы отчетливой ни была идеологическая альтернатива культурного плюрализма, она не будет признана Западом, так как цивилизационный модус, основанный на традиции укорененной многовековой историей того же Китая или Индии, для либерального рационализма всего лишь рудимент, формируемый в дихотомии: отсталый – прогрессивный, анахронизм – современный. Исторически сложилось так, что главным рудиментом проекта «Большого Запада» является страна, по воле судьбы не генерировавшая собственных традиционных ценностей.

Ф ормат статьи не позволяет подробно остановиться на сюжете, раскрывающем значение традиции в планетарной цивилизации. Заметим только, что в общественное сознание человечества приходит понимание «самоценности» традиции,

продолжающей развиваться в индустриальную и постиндустриальную эпохи. Находясь в состоянии интеграции с модерном, традиция создает синергетический потенциал, позволяющий обществу достигать кумулятивного эффекта развития с положительной флуктуацией результата. Именно сохранение традиции и опора на нее в модернизации позволили Японии во второй половине XX в. совершить «экономическое чудо»⁶. Указание на органическую встроенность традиции в «проект» советской цивилизации как основной ресурс устойчивости и высокой эффективности системы содержится во многих работах современных авторов⁷.

В указанном смысле капитализм, лишенный опоры на традицию, не является самодостаточным в морально-этическом и культурном отношении⁸. Взяв когда-то на вооружение в качестве главного идеологического постулата сентенцию Т.Гоббса *Bellum omnium contra omnim* (война каждого против всех), капитализм нуждается в компенсации, доведенной до совершенства правовой системы и традиционного нравственного базиса. Однако в таком случае неразрешимое противоречие между центральной фигурой, олицетворяющей всю систему буржуазных отношений – *Homo economicus* и *Homo sapiens*, человеком разумным, а следовательно, нравственным, лежит в основе непреодолимого препятствия на пути выхода западной цивилизации из системного кризиса.

В контексте современных западных ценностей любое социальное агрегирование, в том числе формирование государственной культурной,

этнической идентичности, должно основываться на принципах рационально устроенных сетей, выполняющих функции коммуникатора взаимовыгодного обмена информационными, материальными, политическими (если это касается государственных образований) ресурсами. Любые другие мотивы интеграционных процессов выходят за рамки целесообразности, диктуемой западным образом мироустройства. Доказательством сказанного являются события, происходящие в Европейском союзе. В связи с кризисом в дилемме: укрепления национальных интересов или прагматических соображений при определении мер его преодоления, верх всегда берут последние⁹.

Не выдержала испытание общественной практикой идеология мультикультурализма, направленная на формирование «особого вида толерантности», в связи с притоком жителей мировой периферии в крупные европейские города. При этом «обратная глобализация» (именно так определяют это явление) стала следствием «подавления культурной уникальности через экономическую модернизацию», активно насаждаемую Западом начиная с 60-х годов в странах третьего мира¹⁰.

Безусловно, рекомендации использовать накопленный в Европе процессуальный опыт и технологии адаптации эмигрантов¹¹ при реализации программ интеграции в российский социум приезжающих на работу в Россию представителей ближнего зарубежья могут быть реализованы только в плане заимствования технических наработок организации комплементарных условий

для гастарбайтеров, но только не по существу, разделившемуся по смысловым ориентирам: мультикультурализм как средства ассимиляции «культурного модерна» или мультикультурализм как основа «общежития».

Принципы рационализма, положенные в основу российской политики в отношении бывших союзных республик, не принесли релевантного интеграционного эффекта. Мало того, по мере утверждения на постсоветском пространстве западных культурных ценностей постепенно убывает социальная основа центростремительных тенденций.

Чтобы проиллюстрировать это утверждение, надо обратиться к данным, характеризующим динамику деструктивного отношения населения Казахстана и Белоруссии к интеграции с Россией в региональные структуры, что характеризуется замерах общественного мнения, опубликованными главным научным сотрудником Казахстанского института стратегических исследований М.Лаумулиным¹² и белорусским журналистом Ю.Дракохрустом¹³.

Мнение населения Казахстана относительно Таможенного союза (Белоруссии, Казахстана и России) разделилось: 52% опрошенных поддерживают этот интеграционный проект, 48% высказались «против» или не определились в своем отношении.

В апреле-мае 2012 г. Институт стран СНГ (г. Москва) провел дополнительный опрос казахстанских респондентов, когда выявлялась принадлежность к социальным категориям тех, кто отрицательно относится к объединению в интеграционные структуры.

Результаты дополнительного опроса показали, что 78,7% считающих нецелесообразной постсоветскую интеграцию являются предста-

вителями крупного и среднего бизнеса, менеджерами финансовых учреждений, работниками силовых структур и правоохранительных организаций и государственные служащие.

В случае с Белоруссией картина выглядит совершенно иначе. Социальный спектр отрицательно ответивших на вопрос «Если бы сегодня проходил референдум об объединении Белоруссии и России, как бы Вы проголосовали?» репрезентативно отражает все категории населения.

Однако мотивом негативного отношения к интеграции является боязнь либерализации уклада жизни по российскому образцу.

Удельный вес тех, кто положительно высказался за объединение с Россией, с 2003 г. по 2011 г. сократился с 58% до 32%.

При выборочном опросе белорусских граждан, отрицательно оценивающих перспективу объединения с Россией, 64,2% указали в качестве главной причины своего выбора боязнь утраты социальных гарантий, обеспечиваемых гражданам Белоруссии.

Таким образом, результаты дополнительных исследований, предпринятых Институтом стран СНГ, хотя и в противоположных контекстах, показали, что **«либеральные ценности»*, активно внедряемые в социально-экономический строй новых независимых государств, работают в противоположном направлении региональному интеграционному вектору.**

С прагматической точки зрения такое положение дел вполне объяснимо. Если руководствоваться исключительно соображениями выгоды, то ориентация на западные центры мировой силы выглядит значительно более привлекательной,

* Мы намеренно взяли этот термин в кавычки, чтобы указать на разницу в представлении между подлинными либеральными и современными либеральными ценностями.

чем объединение с Россией, которая пока не обрела устойчивой тенденции экономического роста. Однако в основе евразийской интеграции лежит нечто большее, чем голый прагматизм, – культурно-цивилизационная общность, формировавшаяся веками в интеграции многоэтнических традиций, генерировавших некую идентичность, постичь которую рациональным сознанием невозможно.

Интересно в этой связи высказывание М.Лаумулина: «После падения железного занавеса и контактов с дальним зарубежьем казахстанцы убедились, что не похожи на соседей из исламского мира, несмотря на некий мусульманский ренессанс в республике. В Советском Союзе жители Средней Азии считались «азиатами», но после более тесного знакомства с китайцами и другими дальневосточными народами стало очевидно, что и на настоящих азиатов они не очень похожи. Гораздо больше общего у них с другими гражданами стран СНГ, здесь и пригодилось понятие «евразийцы»»¹².

В своей знаменитой работе «Столкновение цивилизаций» Самюэль Хантингтон справедливо заметил, что интеграционные и дезинтеграционные границы современного мира проходят вдоль культурных линий. По его мнению, «культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом высоком уровне являются идентификацией цивилизации) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта»¹⁴.

Не «либеральные ценности» и не попытка навсегда искоренить возможность возникновения войны в этой части света являются главным основанием европейской интеграции (эти факторы перфектны), а культурно-цивилизационная общ-

ность, фундируемая исторической традицией Старого Света.

Исторически сложилось так, что Россия не только как государство, но прежде всего как культурный, цивилизационный архетип формировалась, вбирая в свой растущий организм традиции и социентальные ценности многих народов.

Даже тогда, когда народы приграничных территорий не испытывали интегративных позывов со стороны Великой империи, они активно включались в культурный обмен с российским социумом. Укоренившийся модус культурного взаимодействия стал определяющим качеством внутреннего российского миропорядка, каждая культурная составляющая которого представляла собой самоценность, функционирующую как неотъемлемая часть целого. В этом смысле трудно представить, даже в условиях государственной независимости, культурную автаркию россиян, казахов, украинцев, киргизов.

Обычно когда говорится об общности судеб и социальных перспектив, принято апеллировать к славянскому единству. Однако нити генетической «самости» россиян с народами Кавказа и Азии нисколько не менее судьбоносны с точки зрения культурно-цивилизационного значения.

Сохранение и развитие рожденного на протяжении столетий многоликого «Русского мира» представляется проблемой не менее, а, может быть, более важной, чем экономическая и политическая интеграция постсоветского пространства. Утрата этого «эксклюзивного продукта» означала бы прежде всего рецессию национальных культурных оснований,

а для России, сохраняющей многоэтническую и многоконфессиональную матрицу, – утрату возможности полноценной консолидации российской идентичности и реинтеграции (как носителя культурного генотипа) в полноценный центр развития регионального сообщества.

Н а протяжении веков Россия, аккумулируя культурный потенциал народов, объединяемых в одном цивилизационном пространстве, выполняла роль генератора собственной творческой активности, являясь, говоря словами Р.Коллинза, «зоной престижа», которая «есть источник излучения, распространяющегося за ее пределы и с большей или меньшей силой притягивающего к ней людей, находящихся на различных расстояниях от нее. Эти расстояния, далее, суть нечто большее, чем расстояния в физическом пространстве; они являются сетями разного рода, ... в которых по особым каналам, способным проникать в чужие цивилизационные зоны, распространяются престижность и притягательность данной цивилизации»¹⁵.

Выполняя на протяжении длительного исторического периода функцию «зоны престижа», Россия не могла не стать центром интеллектуальной рефлексии культурно-цивилизационной идентичности, сформировавшейся в результате активного культурного обмена народов, входящих в ее пространство.

Первым, кто обратился к проблеме российской идентичности в модернизационном контексте, стал П.Я. Чаадаев.

Творчество этого мыслителя и сегодня оценивается не однозначно. «Почвенники»

критикуют его за негативное отношение к российской «самости» и европеизм.

Для нас важно подчеркнуть рациональное зерно, которое, безусловно, присутствует в рассуждениях П.Я. Чаадаева о том, что российская цивилизация консолидировалась как феномен, не повторяющий в своем содержании ни классическую парадигму Востока, ни европейскую цивилизационную матрицу.

Отмечая эту сторону взглядов П.Я. Чаадаева на российскую идентичность, можно с полным основанием говорить о том, что они способствовали более поздней артикуляции евразийской теории.

«Одна из наиболее печальных черт нашей цивилизации, – отмечал он, – заключается в том, что мы еще только открываем истины, давно ставшие избитыми в других местах и даже среди народов, во многом далеко отставших от нас. Это происходит оттого, что мы никогда не шли об руку с прочими народами; **мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку**, и у нас нет традиции ни того ни другого»¹⁶.

Кризис российской идентичности, о которой говорил П.Я. Чаадаев в XIX в., ссылаясь на неевропейский путь развития России, обернулся в настоящий момент историческим шансом.

Другому русскому мыслителю, Н.Я. Данилевскому, принадлежит заслуга плюрализации в определении культурно-исторических типов социальной реальности. Утверждение Данилевского о том, что европейская цивилизация «не является универсальной, а только одной из не-

скольких великих цивилизаций, которые когда-то процветали в человеческой истории», проторило путь к определению места собственно российской идентичности в иерархии мировых цивилизаций.

«Соображение, что европейская цивилизация идентична универсальной цивилизации, основано на ошибочном допущении, что только она является прогрессивной и творческой в противоположность всем другим культурам, которые при этом объявляются статичными и нетворческими»¹⁷, – писал он.

В целом скептически оценивая концепцию Данилевского, П.Н.Миллюков, сам того не желая, значительно обогатил научное представление, фундамент которого заложил его предшественник. Указывая на социальную обусловленность культурно-цивилизационной идентичности, П.Н.Миллюков имел в виду постепенное наполнение ее содержания «современным», «прогрессивным» (европейским) качеством. Европейский универсализм взглядов П.Н.Миллюкова был скорее шагом назад в понимании существа российской цивилизации, однако его мысль об интегративной динамике культурной традиции является, безусловно, еще одним шагом в научном осмыслении реалий евразийского процесса.

Важный вклад в исследование российских культурных и цивилизационных оснований внес И.А.Ильин. Базисом интегративной «самости», рожденной как продукт российской цивилизации, он считал не материальные символы: государство, пространство и т. д., а духовные: «Родина – есть духовная реальность»¹⁸ – писал он.

Пройденный путь интеллектуального поиска нашел логическое завершение в концепции отечественных евразийцев: П.Н.Савицкого, Н.С.Трубецкого, Л.Н.Гумилева. Они впервые отчетливо заявили о российском культурно-цивилизационном типе как евразийском¹⁹. Евразийская концепция вобрала в себя представление о подвижности, недостаточности российской идентичности, имманентном освоении мультикультурных ценностей, отказ от «европоцентризма», от универсальности прогресса, воинствующего экономизма Запада.

Важным является замечание евразийцев относительно вектора взаимодействия России с другими народами: от патернализма к культурному равноправию. «В постимперский период, – писал Н.С.Трубецкой, – национальным субстратом того государства, которое называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, её территорию – Евразией, её национализм – евразийством»¹⁹.

Идентичность, о которой говорили евразийцы, стала реальностью, значительно укрепившейся в советское время. «Полиэтническое пространство, – пишет И.А.Исаев, – приобретало большую стабильность, поскольку из властной иерархии исключалась одна господствующая нация. А новое наименование объединенных территорий – СССР – уже не содержало никакого намека на этническую, пространственную или наци-

ональную доминанту этого союза. Оно выражало лишь его политическую и социальную характеристики»²⁰.

Верность евразийской концепции подтвердила и постсоветская политическая реальность. Сразу после развала СССР государства и этносы, не интегрированные в евразийскую культурно-цивилизационную общность (европейские страны «социалистического лагеря» и республики Прибалтики), сразу сориентировались на объединение с Европейским союзом. Испытывая деструктивное влияние центростремительных факторов, в постсоветский период евразийская идентичность долгое время была в состоянии депривации, но тем не менее остается реальностью, фундирующей интеграционный процесс.

Доказательством сказанного могут служить данные социологического опроса, проведенного Институтом стран СНГ (октябрь 2011 г.)²¹.

На вопрос «Как Вы воспринимаете события в другой стране СНГ?», 47,2% респондентов в Казахстане, 61,3% в Белоруссии, 44,3% на Украине ответили, что воспринимают события так, как если бы они происходили в собственной стране.

Идеи евразийства становятся методологической основой активизирующихся в последнее время процессов на постсоветском пространстве.

В частности, важное положение о культурном плюрализме и «самоценности» каждой составляющей культурно-цивилизационного сообщества реализовано в организационном принципе СНГ «подвижной геометрии», утвердившемся после принятия в 2007 г. Концепции дальнейшего развития СНГ.

Концепция содержит инициированное российской стороной видение будущего Содружества как многопрофильной региональной организации, обеспечивающей максимальный интеграционный потенциал, в то же время предоставляющей возможность каждой стране-участнице определять формат и сферы сотрудничества. «Материальной сцепкой» сохранения евразийской культурно-цивилизационной ценности остается русский язык как средство коммуникации, культурного обмена, функционирования наднациональных структур.

Однако главное значение русского языка заключается все же не в этой, бесспорно, важной стороне интеграционного процесса. Русский язык остается единственным инструментом продвижения идентификационных символов и практик до экзистенциальной глубины, когда каждый индивид становится субъектом объединительных тенденций.

В 2006 г. сотрудники Центра по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии РАН провели в Бишкеке этносоциологический опрос по анкете, включающей блок языковых вопросов. Его итоги подтвердили факт довольно широкого распространения русского языка среди столичных жителей, в том числе киргизов и татар.

Русский язык используется представителями титульного этноса как самостоятельно, так и совместно с киргизским языком от 56 до 81% случаев.

Позитивным фактором, в известной мере определяющим перспективы русского языка в Киргизии, является сравнительно высокая ориентация киргизской молодежи на русский язык.

По мнению почти 60% киргизов Бишкека, принявших участие в опросе, людям нерусской национальности Киргизии в той или иной мере необходимо знание русского языка.

Среди молодых людей 18–29 лет 35% отметили, что русский язык, безусловно, нужен, и 29% – скорее нужен. Лишь 19% дали отрицательный ответ.

Все это свидетельствует о том, что в настоящее время в *Киргизии* имеются сравнительно благоприятные условия для функционирования и развития русского языка²².

Несмотря на усиленную политику дерусификации западно-ориентированных администраций, остается прочным положение русского языка на *Украине*. Согласно данным мониторинга ИС НАНУ (2007 г.), если исключительно

но по-украински думают 34% граждан старше 55 лет, 30% в возрасте 30–35 лет, то среди тех, кто сформировался как языковая личность в годы независимости (возрастная группа до 30 лет), думают исключительно по-украински 22%.

Среди тех, кто думает исключительно по-русски, наблюдается противоположная тенденция: возрастная группа старше 55 лет – 30%, 30–35 лет – 36%, до 30 лет – 40%, т.е. число русскоязычных молодых людей в возрасте до 30 лет не уменьшается, как можно было бы предположить, а растет²³.

Таким образом, активизация интеграционных инициатив на постсоветском пространстве, свидетелями которой сегодня мы являемся, обусловлена не сиюминутной политической конъюнктурой, а наличием глубокого историко-культурного базиса взаимоотношений народов и государств, объединяемых евразийской идентичностью.

Уже сказано, что формирование полноценного регионального объединения процесс *нелинейный* и может подвергаться влиянию разного рода (в том числе внешних) факторов.

Однако выстраивание стратегии долгосрочной политики в этом направлении должно осуществляться с учетом реальности культурно-цивилизационного фактора реинтеграции.

Примечания

- ¹ Гальтунг И. Десять тенденций, меняющих мир. Неотвратимые потрясения и революционные обновления // *Россия в глобальной политике*. 2011. № 4. С. 8–19.
- ² Фукуяма Ф. Будущее истории // *Россия в глобальной политике*. 2012. № 1. С. 8–22.
- ³ Бжезинский З. Уравновесить Восток, обновить Запад // *Россия в глобальной политике*. 2012. № 1. С. 35, 37.
- ⁴ Косолапов Н.А. 1917–1991: попытка ретроспективы // *Мир и политика*. 2011. № 12 (63). С. 15–32.
- ⁵ Ту Вэйтмин. Подъем «конфуцианской» Восточной Азии: истоки и исторический смысл // *Полис*. 2012. № 1. С. 7–26; Степанян М.Т. Социокультурные основания модернизации Индии // *Полис*. 2012. № 1. С. 26–43.
- ⁶ Япония-2000: Консерватизм и традиционализм. М.: Восточная литература, 2000.
- ⁷ Кара-Мурза С., Осипов Г. СССР – цивилизация будущего. М.: Яуза; Эксмо, 2010.
- ⁸ Мартыанов В.С., Фшман Л.Г. Преодоление капитализма: от морального коллапса к моральной революции? // *Полис*. 2012. № 1. С. 63–75.
- ⁹ Хазин М. Евросоюз ждут перемены // URL: <http://worldcrisis.ru>
- ¹⁰ Грановская М. Кризис идеологии мультикультурализма и судьбы европейской цивилизации // *Международная жизнь*. 2012. Май. С. 149–155.
- ¹¹ Паин Э. Закат вульгарного мультикультурализма как возрождение культуры модерна // *Россия в глобальной политике*. 2011. № 2. С. 8–38.
- ¹² Лаумулин М. Возвращение в место, которого нет // *Россия в глобальной политике*. 2012. № 1. С. 88–99, 89.

- ¹³ Дракохруст Ю. Спираль независимости // Россия в глобальной политике. 2012. № 1. С. 100–112.
- ¹⁴ Хардингтон С. Столкновение цивилизации. М., 2005. С. 15.
- ¹⁵ Коллинз Р. Цивилизации как зоны престижа и социального контакта // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2003. № 1. С. 94.
- ¹⁶ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 41.
- ¹⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 90.
- ¹⁸ Ильин И.А. Основы христианской культуры. СПб, 2004. С. 227.
- ¹⁹ Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Русская идея. Сб. произведений русских мыслителей. С. 352.
- ²⁰ Исаев И.А. Геополитические традиции России как евразийской державы // Проблемы реинтеграции постсоветского пространства: экономические и политические аспекты. М., 2007. С. 70.
- ²¹ Текущий архив Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ). 2011 г.
- ²² Асанканов А.А., Остапенко Л.В. Языковой фактор в процессе адаптации населения постсоветских стран к новым реалиям: русский язык в Кыргызстане // Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики). М., 2008. С. 379–382.
- ²³ Кудрявцева Л. О языковой самоидентификации граждан Украины и государственной языковой политике // Украина: информационно-аналитический мониторинг. 2012. № 3(76). С. 29.

Подписка на 2013 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие
36789 — на год